

ИБЕРИЯ И РИМСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В АЗИИ

(К истории древней Грузии)

А. И. Амиранашвили

Из литературных источников по истории Иберии древнейшим является описание ее в «Географии» Страбона, составленное на основании сведений, почерпнутых им в сочинении Теофана Митиленского, бывшего спутником Помпея в его кавказском походе. Следовательно, сведения, сообщаемые Страбоном, восходят к 60-м годам I в. до н. э. Далее, в связи с борьбой Помпея против Митридата, упоминания об иберах имеются у писателей, касавшихся этих событий,—Ливия, Веллея Патеркула, Плиния, Плутарха, Аппиана, Кассия Диона, Флора, Евтропия, Орозия. Однако, если не считать нескольких упоминаний имен иберских царей, никаких сведений об Иберии и ее внутренней жизни в сочинениях, касающихся похода Помпея, не находится. Сведения эти появляются, и то только попутно, в связи с изложением событий, касающихся политики римских императоров в отношении Армении и Парфии. Несколько моментов из истории Иберии середины и второй половины I в. н. э. изложены довольно подробно, хотя и односторонне, у Тацита и Кассия Диона. О событиях, касающихся взаимоотношений между Иберией и Римской империей, упоминают также Иосиф Флавий, Спартиан, Фест; однако эти сведения не более, как замечания, сделанные мимоходом.

Тем большую ценность представляет материал, даваемый надписями, как бы незначителен он ни был. До нас, кроме упоминаний об иберах в «Monumentum Ansupanum», дошли две надписи, относящиеся к Иберии, из которых одна найдена близ Мцхета в Грузии, другая—в Риме. Обе эти надписи издавались неоднократно, тем не менее, каждая из них в отдельности и связь их друг с другом, заключающаяся в упоминании событий и лиц, тесно между собой связанных, в имеющихся до настоящего времени работах недостаточно разъяснены.

В надписи, найденной близ Мцхета¹, сообщается, что император Веспасиан, вместе с сыновьями Титом и Домицианом, построили Митридату, сыну царя Фарасмана, «другу Цезаря и римлян», и Амазаспу, брату его, крепость. Надпись датируется точно второй половиной 75 г.

Из трех упомянутых в надписи представителей иберского правящего дома по литературным источникам известен один лишь Фарасман, который,

¹ Перечень изданий этой надписи см. в моей работе: «Греческие надписи Музея Грузии», «Bull. du Musée de Géorgie», IV (1928), стр. 195.

согласно свидетельству Кассия Диона, был сыном царя Митридата. Никаких сведений, касающихся времени правления этого Митридата и событий его жизни, не дошло. Известно только, что в 35 г. н. э. царем был уже сын его, Фарасман (D i o C a s s., LVIII, 26; T a c.—App., VI, 32), который продолжал править Иберией еще в 60 г., что видно из свидетельства Тацита, упоминающего, что в этом году Фарасман, как союзник Рима в войне с Арменией, получил от Нерона небольшую область, присоединенную к Иберии из владений армянского царя (T a c.—App., XIV, 25). Сколько времени после 60 г. продолжалось правление Фарасмана из литературных источников не видно, указанная же надпись с полной ясностью показывает, что в 75 г. царя Фарасмана уже не существовало, а правил сын его Митридат, из литературных источников неизвестный.

Судя по тому, что о нем нет упоминания в рассказе Тацита, излагающего кровавую трагедию, разыгравшуюся в семье Фарасмана, следует думать, что Митридат был в то время еще малолетним. Из свидетельства Тацита видно, что у Фарасмана от первого брака, кроме сына Радамиста (T a c.—App., XII, 44), была дочь, выданная замуж за Митридата, брата Фарасмана, который, по указанию Тиберия и при поддержке Фарасмана, захватил царскую власть в Армении (T a c.—App., XII, 44). Известно также, что у Фарасмана была вторая жена, мачеха Радамиста (T a c.—App., XII, 44). Упомянутый в Мцхетской надписи царь Митридат был, повидимому, сыном Фарасмана от второго брака и считался наследником отца, может быть, уже в то время (58 г. н. э.), когда Фарасман, в угоду римлянам и по соображениям личного характера, убил Радамиста, обвинив его в предательстве (T a c.—App., XIII, 37).

Что касается упоминаемого в надписи наряду с Митридатом Амазаспа, то он из литературных источников также неизвестен; очевидно, он был вторым сыном Фарасмана от второго брака. Впервые имя его было прочтено в данной надписи мною¹, в то время как большинство прежних издателей склонны были в сохранившихся на камнях остатках имени видеть имя второй жены Фарасмана, матери Митридата, Ямасдеи, или сына Митридата—Ямазда (Ἰαμάσδης); некоторые ученые стремились объяснить это непонятное слово, как племенное название иберов, «ямасдаиты», т. е. племя, исповедывавшее маздаизм. Однако при изучении этой надписи, которая в моей работе не была сопоставлена с другой (о ней будет сказано ниже), я допустила ошибку, сочтя Амазаспа за сына Митридата, внука Фарасмана. В тексте надписи читается:... βασιλεῖ/Ἰβήρων Μιθριδάτη βασιλέως Φαρασμανίου καὶ (ι)᾽ Αμαζάσπῳ υἱῶ/φιλοκαίσαρι καὶ φιλορωμίῳ καὶ τῷ ἔθνι τὰ τεύχη ἔχωχύρωσεν. Слово υἱῶ я связала неправильно со словом Μιθριδάτη (т. е. Амазаспу сыну [Митридата]), в то время, как из конструкции фразы видно, что υἱῶ относится не только к Амазаспу, но и к Митридату, т. е., что оба они были сыновьями Фарасмана. Конец надписи должен быть переведен так: «царю иберов Митридату [сыну] царя Фарасмана, и Амазаспу сыну, дружественному Цезарю и римлянам, и народу построили крепость».

Упоминание в официальном документе двух представителей царствующего дома—наряду с именем царя, также имени и его младшего брата, как представителей народа иберского, на первый взгляд не вполне понят-

¹ См. мои работы: «Греческая надпись из окрестностей Мцхета», ИГАИМК, V (1927), стр. 409—411, и «Греческие надписи Музея Грузии», «Bull. du Musée de Géorgie», IV (1928), стр. 191—196.

ное, находит свое объяснение, если обратиться к свидетельству Страбона о социальном строе Иберии и к древнегрузинским источникам.

По словам Страбона (Strab., XI, 3, 6) «обитатели страны делятся на четыре группы¹ (γένη), из них первая—та, из которой ставят царей, [выбирая] старшего и ближайшего по родству [с предшествовавшим царем], а второй [по старшинству] творит суд и предводителюствует войском». Из этого свидетельства видно, что верховная власть в стране была присвоена одному из родов, причем наряду с царем стоял его ближайший родственник, в большинстве случаев, вероятно, следующий по старшинству брат, а за неимением или насильственным устранением такового (вспомним устранение Фарасманом сначала брата Митридата, а затем старшего сына Радамиста)—старший из сохранившихся сыновей. Таким образом, фактически власть делилась между двумя лицами, являющимися представителями правящего рода.

Амазасп, в качестве брата Митридата, ставшего царем после смерти Фарасмана, играл, повидимому, именно эту роль второго представителя правящего рода в Иберии, представителя, стоявшего во главе войска и ведавшего судебные дела, и потому оказался упомянутым в Мцхетской надписи наряду с царем Митридатом.

В этом отношении толкование С. Р. Горгадзе² свидетельства грузинских источников: «Хроники обращения Грузии»³ и «Жизнеописания царей» Леонтия Мровели⁴ следует считать правильным. По поводу существования в древней Иберии одновременно двух царей, засвидетельствованного упомянутыми грузинскими памятниками, царей, из которых один имел резиденцию в Армази, а второй—в Мцхете, Горгадзе полагает, что царями Иберии нужно считать тех, имена которых в данных источниках упоминаются в качестве так наз. «армазских царей». Имена же второго ряда (список «мцхетских царей») суть имена лиц, которые считались (согласно Страбону) «вторыми после

¹ В данном контексте слово γένη не может быть переведено словом «роды». Несмотря на то, что Страбон в этом отрывке изображает иберское общество, как общество родовое (κοινωνία δ' ἐστὶν αὐτοῖς αἱ κτήσεις κατὰ συγγένειαν, ἀρχαὶ δὲ καὶ ταμίαι ἐκαστῆς ὁ πρῶτος τος), деление его на четыре γένη включает в себе уже намек на зачатки неких социальных группировок. Если первый и второй γένη представляют собою выдвинувшиеся роды, присвоившие верховную власть в стране, то третий γένος (στρατιώμενοι καὶ γεωργοῦντες), составлявший основную массу населения, свободных общинников, был совокупностью большого количества родов, объединенных в племенной союз, глава которого пользовался наследственной властью, в качестве старшего члена правящего рода. Четвертый γένος (οἱ λαοὶ—Засилико долои) также не мог состоять из членов одного рода. Однако происхождение их зависимости от членов правящего рода и характер эксплуатации их труда из сохранившихся литературных источников неясны.

Здесь, однако, следует упомянуть анализ иберского общества I в. до н. э. и I в. н. э., данный в блестящем исследовании И. А. Джавахова—«Государственный строй древней Грузии и древней Армении», СПб, 1905, который на основании сопоставления свидетельства Страбона с грузинскими источниками и анализом грузинских терминов власти и терминов для обозначения собственности приходит к выводу, что период, отраженный в сочинениях древних греческих и римских писателей, является временем разложения родового общества, и совершенно правильно объясняет внутренний социально-экономический процесс в иберском обществе, приведший к установлению имущественного неравенства и выделению в более позднее время господствующего класса феодалов.

² С. Р. Горгадзе—Заметки из истории Грузии. Часть II—«Древняя Грузия», I. Тифлис, 1908, стр. 28. (На груз. языке).

³ См. русский перевод М. Джанашивили, СМОМПК, кн. 28.

⁴ Леонтий Мровели—Жизнеописания царей. Жизнь Картлии, I, на груз. языке, см. французский пер., М. F. Brosset—Histoire de la Géorgie, I.

царя» и исполняли обязанности военачальника и судьи. Сказанное находит подтверждение в другой греческой надписи, касающейся также древней Иберии, но найденной в Риме. Я имею в виду стихотворную эпитафию ибера Амазаспа, изданную Кайбелем¹ и Канья² и потом много раз цитированную. Привожу ее в переводе: «Славный отпрыск царя Амазасп, брат царя Митридата, отчизна которого возле Каспийских ворот, ибер, сын ибера, здесь погребен: возле священного города, который построил Никатор. Возле питающего оливки потока Мигдона, спутник венценосного предводителя авзонов, придя сражаться с парфянами, умер, прежде чем успел замарать руку о вражескую кровь, увы! могушую руку!—о копье, и лук, и острие меча; [пришедший] во главе пешего и конного войска, сам равный по скромности девам». Оба упомянутых издателя надписи указывают, что в надписи идет речь об участии ибера Амазаспа в парфянском походе Траяна и о гибели Амазаспа под Низибидой (*πὸ βλῖν πρὸ ἱέρῳ ἢ ἔδωκε Νικῆτωρ*).

О том времени, когда иберские войска, предводительствуемые Амазаспом, пришли на помощь Траяну, имеются указания в литературных источниках. Это произошло, повидимому, зимой 114/5 г., когда Траян, после умерщвления Парфамасириса и оккупации Лузием Квиетом Мидии, Атропатены и Сингара, вернулся в Антиохию, назвав Великой Армению провинцией, и возобновил старые договоры с царями Иберии и Албании, Колхиды и Боспора о дружественных отношениях с Римом³; тогда в подтверждение своей союзнической верности упомянутые цари выслали на помощь Траяну свои войска. Дирауэр⁴ предполагает, что в то время царями Иберии были: упоминаемый Элием Спартианом (с. 13 и 17) и Кассием Дионом (Ерп., LXIX) Фарасман и вместе с ним Мирдат I, которые были сыновьями Амазаспа I и Дерока, правивших в течение 16 лет, согласно свидетельству грузинской летописи «Жизнь Картлии»⁵.

Однако, не говоря уже о том, насколько вообще ненадежна хронология иберских царей, устанавливаемая на основании упомянутой летописи, где действительность тесно переплетается с легендой, и самый список царей далеко не надежен, свидетельство разбираемой надписи говорит о том, что Амазасп во время похода Траяна был не только жив, но и принимал участие в экспедиции, придя во главе пешего и конного отрядов. Если верить указанию грузинского источника, что Фарасман II был сыном Амазаспа, то он мог стать царем только после смерти своего отца под Низибидой. Что же касается Митридата, то это имя, как это видно из Мцхетской надписи, носил сын Фарасмана I (так же, как и отец Фарасмана), а не сын Дерока, как говорит об этом грузинская летопись («Жизнь Картлии»).

Интересно отметить, что Амазасп в этой надписи называется не царем, а лишь братом царя, приведшим военный отряд на помощь римскому императору; это является иллюстрацией к свидетельству Страбона о том, что в правящем роде старший после царя исполнял обязанности стратега.

¹ G. K a i b e l—Inscriptiones Graecae, Italiae et Siciliae, Berlin (1890), 1374.

² R. S a g n a t—Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, III, 133.

³ E u t r o p., VIII, 3. Armeniam quam occupaverunt Parthi recepit Parthamasiri occiso qui eam tenebat. Albanis regem dedit, Iberorum regem et Sauramatorum et Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit; F e s t., Brev., XX: Albanis regem dedit, Hiberos, Bosphorianos in fidem Romanae deditiois accepit.; ср. S c h i l l e r—Geschichte des römischen Kaiserreichs, I, 2, стр. 557; М о м м з е н—Римская история, V, стр. 390; D i e r a u e r—Beiträge zur Geschichte Trajans, Leipzig, 1868, стр. 163.

⁴ L. c.

⁵ M. F. B r o s s e t—Histoire de la Géorgie, p. 71.

Кайбель, в комментарии к изданию надгробия Амазаспа, замечает, что Амазасп, потомок царского рода, брат некоего Митридата, ему, Кайбелю, кажется неизвестен; он предполагает, что брат Амазаспа Митридат мог быть тем Митридатом, сыном Фарасмана, который в качестве иберского царя упомянут в Мцхетской надписи. Юсти¹ также выражает предположение, что Митридат, сын Фарасмана, был братом Амазаспа, умершего под Низибидой, и, вероятно, тем Митридатом, который упомянут в грузинской хронике под именем Мирдата, сына Дерока. Иной точки зрения держатся составители *Prosopographia Imperii Romani*, которые предполагают, что Митридат, сын Фарасмана, мог быть отцом Митридата, упомянутого в надгробии Амазаспа. Диттенбергер, в комментарии к изданию Мцхетской надписи², также считает возможным предполагать, что Митридат, сын Фарасмана, мог быть отцом или дедом Митридата, упоминаемого в надгробии Амазаспа. Необходимо иметь в виду, что все упомянутые исследователи оперировали с текстом Мцхетской надписи, не вполне установленным, когда имя Амазаспа в ней еще не было прочтено; но и тогда уже такие крупные авторитеты, как Кайбель и Юсти, находили возможным считать Митридата обеих надписей за одно и то же лицо. Теперь, когда установлено, что обе надписи упоминают и Митридата и Амазаспа, как братьев, кажется, мы имеем полное основание считать, что предположение Кайбеля и Юсти нашло себе вполне обоснованное подтверждение. Если принять, что в обеих надписях упоминается один и тот же Митридат, тогда предположение Дирауэра, что в то время, когда Амазасп принял участие в походе Траяна, царем Иберии был уже Фарасман II, приходится считать необоснованным по следующим причинам: так как Амазасп был братом Митридата, он должен был быть старшим в роде после брата своего Митридата и после его смерти занять его место и, во всяком случае, быть значительно старше надолго их обоих пережившего Фарасмана II. Фарасман же не мог получить царскую власть, не устранив предварительно Амазаспа. Между тем, Амазасп не только оказывался живым, но так же, как и в 75 г. н. э. (Мцхетская надпись), в 115 г. является вторым представителем правящего рода при своем брате-царе. Помимо этого, предположение, что вместо Митридата Иберией, во время экспедиции Амазаспа под Низибиду, правил уже другой царь, делает странным упоминание в надписи уже не бывшего в живых царя, причем нет упоминания о его смерти и ничего не говорится о царе, правившем в то время; напротив, эпитафия Амазаспа говорит о Митридате, как о живом царе. Если и Амазасп и Митридат были еще не только живы, но и продолжали свою прежнюю деятельность, то в 75 г., отделенном от года смерти Амазаспа (115 г.) промежутком в 40 лет, оба брата были еще в очень юном возрасте, и потому неудивительно, что они не были упомянуты Тацитом в числе детей Фарасмана при изложении им истории о захвате Армянского царства Митридатом, братом Фарасмана, а затем Радамистом. Во всяком случае, Митридат, повидимому, пережил Амазаспа недолгое время, так как уже вскоре, в правление Адриана, упоминается Фарасман II.

Для того, чтобы выяснить, какие моменты римско-иберских отношений отразились в двух разобранных надписях, придется начать несколько издалека и проследить, как складывались взаимоотношения Рима и Иберии с тех пор, как они впервые соприкоснулись друг с другом.

¹ J u s t i—*Iranisches Namenbuch*, s. v. Μιθριδάτης (3).

² D i t t e n b e r g e r, *OGIS*, Leipzig (1903), I, 379, прим. 9.

Иберия, повидимому, рано подпала под влияние парфян и армянцев. Согласно свидетельству Страбона, еще первые армянские цари, Артаксия и Зариандр (или их ближайшие потомки) расширили пределы Армении путем присоединения к ней некоторых сопредельных областей; так, у иберов были отрезаны склоны Париадра, Хордзена и Гогарена, лежащие на левом берегу реки Кира (Strab., XI, 14, 5). Судя по замечанию географа, что иберы, населявшие равнинную часть, «снаряжаются (ἐσχευασμένοι) по-армянски и по-мидийски» (Strab., XI, 3, 3), а также по именам их царей (Арток, Фарнабаз, Фарасман, Митридат, Амазасп), влияние это распространилось и на сохранившие свою независимость области в долине Кира, и правящая верхушка, возможно даже кровными узами связанная с армянскими династами, приняла специфический культурный облик, сложившийся под этими влияниями.

Плутарх, в биографии Лукулла, при описании войска Тиграна во время осады римским полководцем Тигранокерты в 69 г., перечисляет народы, входившие в состав армии армянского царя. В числе этих народов, кроме армянцев и гордиэнов, были организованные в крупные родоплеменные федерации, возглавляемые царями (βασιλεῖς), мидяне, адиябены, арабы, албаны и иберы, а кроме того, номады, жившие в низовьях Аракса, представлявшие собою мелкие разрозненные племена, не объединенные в сколько-нибудь значительные союзы и не имевшие царей (ἀβασίλευτοι). Плутарх замечает, что они приняли участие в войне с Лукуллом «из-за расположения» к Тиграну или склоненные к тому дарами (Χάριτι καὶ δῶροις περισθέντες ἀπ' ἡγετῆρα; Plut.—Lucull., 31). В сражении близ Артаксаты осенью 68 г. иберские копьеносцы также принимали участие в войске Тиграна вместе с мардскими конными стрелками (Plut.—Lucull., 31). На основании данных отрывков трудно установить точно характер взаимоотношений между иберами и армянским царем, но замечание о «расположении» и дарах указывает не на политическую зависимость от Армении, а скорее на союз с ней, заключенный в силу общих интересов, или, может быть, на участие их в войне, как наемников Тиграна.

В качестве союзного Тиграну народа иберы в войне Помпея с Митридатом Евпатором и Тиграном вели продолжительную и упорную борьбу с Помпеем, причем они выступали не только как союзники Тиграна, но также и в качестве борцов за свою свободу, отстаивавших свою страну от враждебного вторжения римского полководца.

Целью экспедиции Помпея в Иберию и Албанию была не только борьба с Митридатом и стремление скорейшего сокрушения его могущества путем разгрома его закавказских союзников и нанесения ему удара в тыл. Честолюбивые замыслы Помпея ставили перед ним задачи глубокого проникновения в Азию и покорение берегов Каспия (Plut.—Pomp.) и Красного моря (Plut.—Pomp.). Поход Помпея в Закавказье является одним из звеньев в цепи римских военных мероприятий в Азии, имевших целью постепенное и планомерное продвижение римлян на восток и обеспечение путей проникновения на восток римского торгового капитала, возможности установить торговый путь в глубину Азии. Что интерес к этим вопросам был не чужд Помпею, видно из упоминания Плиния, что «во время похода Помпея было исследовано, что из Индии в 7 дней можно прийти в Бактрию, к р. Бактру, впадающему в Окс, а от него проехать по Каспию до Кира, и что товары не более как в 5 дней могут быть доставлены сухим путем в Понт к Фасису» (Plin.—NH., VI, 52). Из этого отрывка видно, что рим-

ляне интересовались возможностью установить торговый путь в Индию через Закавказье, поскольку для них был затруднен путь, ведущий через страны, входившие в состав Парфянского царства.

Несмотря на ряд отдельных поражений, нанесенных римлянами иберам и албанам, поход Помпея в страны Закавказья в общем кончился неудачно. Помпей не достиг поставленной им цели покорения иберов и албанов, так как наткнулся на непреодолимое сопротивление населявших эти страны народов, воинственных и никогда не знавших чужеземного ига (D i o C a s s ., XXXVI, 54; XXXVII, 1—4; P l u t.—P o m p ., 34—36). Помпей должен был удалиться в Колхиду с целью предпринять комбинированный поход против Митридата, который успел спастись бегством в Боспор. Однако, встретив и здесь энергичное сопротивление живших по Кавказскому побережью племен, Помпей был вынужден отказаться от преследования Митридата [P l u t.—P o m p ., 35; D i o C a s s ., XXXVII, 3(2)] и снова двинуться на восставших против римлян албанов. Потерпев, однако, и здесь неудачу и не достигнув берегов Каспия, Помпей был вынужден отступить в Малую Армению (P l u t.—P o m p ., 36). Результатом этой длительной и упорной войны было заключение договоров с некоторыми из племен Центральной Закавказья, принесение ими присяги (D i o C a s s ., XXXVII, 5; E u t r o p ., VI, 14; O r o s ., VI, 4, 6) и взятие заложников (D i o C a s s ., XXXVII, 2; P l u t.—P o m p ., 45; F l o r.—27; A p p.—M i t h r i d ., 117).

Эта первая попытка установить римское влияние в Закавказье, сделанная Помпеем, не имела большого успеха, так как иберы не могли легко примириться с навязанным им зависимым положением. Поэтому, когда Антоний, имея в виду большой поход против парфян и консолидируя свои силы на востоке, опирался при этом на тесный союз с Артаваздом Армянским, наместник Антония в Армении Публий Канидий Красс, с целью возобновить и укрепить римское влияние в Иберии и обеспечить со стороны иберов помощь римлянам и Артавазду Армянскому в предстоящей войне с Парфией,—в 36 г. до н. э. должен был совершить поход из Армении на север; он дошел до Кавказа и в битве нанес поражение правившему в то время в Иберии Фарнабазу. В результате этой победы над Фарнабазом Канидию удалось склонить его к совместным действиям против албанского царя Забира и вторгнуться в его страну (P l u t.—A n t o n ., XXXIV; D i o C a s s ., XLIX, 24; ср. Моммзен—Римская история, V, стр. 354).

Занимаясь ликвидацией мероприятий Антония в Азии, Август не нашел нужным отказаться от господства над Арменией и уступить это господство парфянским царям. Он доказал это, организовав поход молодого Тиберия Клавдия Нерона в Армению, в результате которого враждебный Риму Артакс был умерщвлен и царем Армении стал римский ставленник Тигран.

Уже первое вторжение римлян в Закавказье и вмешательство в жизнь его обитателей, осуществленное походом Помпея, встретившим столь энергичный отпор, сделало для римлян ясным, что устойчивость римского влияния в Армении тесно связана с распространением этого влияния на север, до Кавказских гор, т. е. с необходимостью держать под своим контролем долину р. Кира с жившими в верхнем ее течении иберами и в низовьях—албанами; что, следовательно, невозможно отказаться от той задачи, которую ставил себе в этом отношении М. Антоний (поход Канидия Красса)¹.

¹ Моммзен—Римская история, V, стр. 363.

Для осуществления этой задачи и установления римского влияния в Закавказье Август закрепил Колхиду от Фасиса до Фарнакии и Трапезунта за Полемоном (Strab., XII, 3, 29; Dio Cass., LIV, 24) и в результате дипломатических переговоров возобновил старые договоры с иберами, албанами, мидянами и рядом других племен западного побережья Кавказа до устья Танаиса¹.

Эти первые шаги с полной ясностью показали, что в процессе борьбы с Парфией за господство над Арменией Риму пришлось столкнуться с фактом не только решительного сопротивления со стороны закавказских и припонтийских племен, но и с постоянным ростом их активности и сплоченности в деле организации этого сопротивления, несмотря на договоры, заключаемые ими в случае отдельных поражений, наносимых им римлянами.

В силу этого, начиная с правления Тиберия, римляне ставят своей целью вовлечь иберов в активную борьбу с Парфией и ищут опоры в лице иберской правящей династии. В связи с этим вмешательство римлян во внутренние дела Иберии делается более интенсивным. Тиберий старается облегчить захват Парфянского царства римскому ставленнику, Тиридату, путем отвлечения внимания Артабана, правившего тогда в Парфии, в то время, как сын Артабана, Арсак, был царем Армении. В 35 г. Тиберий дал письменное приказание брату иберского царя Фарасмана, Митридату, захватить Армянское царство (Tac.—Ann., VI, 32; Dio Cass., LVIII, 26; Ios.—Ant., XVIII, 4, 96—100). Митридат примиряется с Фарасманом, враждовавшим с ним, повидимому, из-за притязаний на власть в Иберии, и с помощью Фарасмана выполняет задание, данное Тиберием, в результате кровопролитного сражения между парфянским войском, предводимым Ородом, и войском Фарасмана, состоявшим как из иберов, так и союзных племен албанов и сарматов, для которых иберы открывают проход с Северного Кавказа. Яркую картину этого сражения дает Тацит (Tac.—Ann., VI, 33—35.). Однако, когда Артабан со всеми своими силами двинулся против иберов, стремясь отомстить за поражение Орода, иберам удалось удержать результаты своей победы только благодаря вмешательству Вителлия, угрожавшего вторжением в Месопотамию и тем заставившего Артабана отступить от Армении. Таким образом, искусно использовав вражду двух представителей иберского царского дома и втянув их в войну с Парфией, Тиберий сумел нанести удар могуществу Артабана (Tac.—Ann., VI, 36).

Армения осталась в руках ибера Митридата, но в скором времени, в результате вызванного чем-то неудовольствия нового императора, Митридат был вызван в Рим по приказанию Калигулы и подвергнут там тюремному заключению, от которого он был освобожден потом по распоряжению Клавдия и послан затем на родину, чтобы занять царство (Tac.—Ann., XI, 8; Dio Cass., LX, 8). Намерение Клавдия восстановить Митридата в Армении следует объяснить, с одной стороны, усилением влияния парфянской партии в Армении, а с другой—расчетом на то, что это был удобный момент, из-за царивших в Парфии усобиц, нанести, с помощью иберского войска, новый удар могуществу парфян.

Вторичное занятие Митридатом Армянского царства было осуществлено в результате применения римской военной силы, направленной на

преодоление сопротивления крепостей, в то время как иберские войска сражались в открытом поле (Т а с.—Апп., XI, 9), причем отдельные правители во главе с Котисом, династом Малой Армении, пытавшиеся помешать предприятию Митридата, были удержаны письмом императора. Таким образом, были устранены все препятствия, стоявшие перед Митридатом, и он стал снова царем Армении, а Иберия оказалась окончательно втянутой в политические интриги Рима, направленные на борьбу с Парфией за фактическое господство в Армении. Благодаря этому римлянам удавалось осуществлять постепенный охват Парфии цепью полузависимых от Рима государств, и Иберия с ее союзниками—кочевыми племенами сарматов и горцев, живших в теснинах Центрального Кавказа,—сделалась орудием в борьбе с Парфией и римским плацдармом для ударов, наносимых Армении с севера.

Римское влияние в Армении с восстановлением Митридата казалось упроченным, но оно снова пошатнулось, когда, после долгих междоусобий, в Парфии, наконец, наступило затишье, и власть перешла в руки энергичного и твердого правителя Вологеса. Этому способствовала кровавая драма в семье Фарасмана, который, вразрез с указаниями Клавдия, способствовал захвату Армении сыном своим Радамистом, ставшим опасным для отца соперником. В 52 г. началась война Фарасмана с Митридатом, окончившаяся, благодаря подкупу некоторых римских чиновников, смертью Митридата и его семьи и утверждением в Армении Радамиста, получившего признание Рима (Т а с.—Апп., XII, 44—49). Прямым следствием этого было вторжение парфян в Армению и изгнание Радамиста, непопулярного среди армянского населения. Армения, где царем стал брат Вологеса, Тиридат, снова оказалась в руках парфян.

Перед римлянами снова стояла задача восстановить свое господство в Армении. Для разрешения этой задачи ставший в 54 г. император Нерон отправил на восток Корбулона, и летом 58 г. Корбулон перевел римские войска через Евфрат. Для Фарасмана настало время пересмотреть всю свою двойственную по отношению к Риму политику за последние годы. Со стороны Рима старое отношение к иберскому правящему дому было восстановлено, и Фарасману пришлось снова решительно выступить в качестве союзника римлян и дать ясное доказательство своего раскаяния. Этим и объясняется казнь в 58 г. Радамиста, как изменника Рима, и вторжение иберского войска в Армению с севера (Т а с.—Апп., XIII, 37). Тогда же впервые вступили в союз с Римом мосхи, жившие в горах между Колхидой и Арменией, и вторглись в Армению с северо-запада (I. с.).

После взятия Корбулоном Артаксаты он использовал еще войска Фарасмана против мардов, беспокоивших его во время его похода на Тигранокерту (Т а с.—Апп., XIV, 23). За помощь Корбулону Фарасман был награжден присоединением к его владениям некоторых областей Армении (Т а с.—Апп., XIV, 26).

Армения, от истоков Кира до среднего течения Евфрата, от Иберии до Коммагены, оказалась окруженной цепью союзных Риму, полузависимых от него областей. Только нижнее течение Кира с жившими там албанами осталось вне сферы римского влияния.

Взрыв римско-парфянской войны дал повод части парфянской знати, осуществившей отпадение Гиркании от Парфии путем выдвижения сына покойного царя Вардана, создать план совместных с Римом действий против Парфии и направить в Рим посольство с предложением союза.

В рассказе Тацита (Т а с.—Ann., XIV, 25) нет сообщений о том, что союз этот был заключен. Однако, при наличной ситуации, союз этот был настолько выгоден для Рима, что он, надо полагать, был заключен¹.

Результатом первого периода войны была оккупация римлянами Армении и возведение весной 59 г. на царство в Армении римского ставленника, отпрыска каппадокийской линии династии Иродов, под именем Тиграна. Новый армянский царь удерживал свое положение с помощью помещенного в Армении сильного римского гарнизона, начальник которого и был фактическим хозяином страны уже со времени захвата Армянского царства ибером Митридатом. Очень важную роль в системе обороны восточной границы империи должно было играть окончательно установленное к тому времени кольцо союзных Риму царств от Иберии до Коммагены. Таким образом, в 59 г. римская власть на востоке была твердо укреплена.

Однако характер военных предприятий Корбулона после прекращения военных действий в 59 г. показывает, что то положение, которое было создано, рассматривалось Римом, как временное, и должно было кончиться новым военным столкновением, поводом к которому послужило провокационное нападение Тиграна на Адиабену в 61 г.²

В процессе дальнейшего развертывания войны правительству Нерона скоро стало ясно, что при создавшемся положении вещей постоянные разногласия с Парфией из-за господства в Армении влекут за собой большие жертвы и опасности для Рима. Удержание на долгое время господства над Арменией вызывало большие затруднения в силу тесных экономических, политических и культурных связей Армении с Парфией и было возможно только путем содержания постоянных крупных военных сил на востоке. С другой стороны, несмотря на удачную организацию кольца союзных царств, росла активность населявших эти области народов, проявлявшаяся в отдельных случаях в виде самостоятельных выступлений. Все это делало ясным правительству Нерона, что в лице иберов, албанов, мардов, колхов и целого ряда других народов римляне имеют дело с силой, с которой нельзя не считаться. Поэтому Рим наметил иной путь разрешения проблемы своей восточной политики, сводившейся к вопросу о господстве над Арменией и организации обороны восточной границы,—путь политического соглашения с Парфией на основе взаимного признания интересов обоих государств в Армении. Для Парфянского государства было не менее важно вступление на этот путь ввиду не утихающего освободительного движения в отдельных областях Парфии, руководимого некоторыми представителями парфянской знати и приводившего иногда к таким тяжелым для Парфии результатам, каким была потеря Гиркании. Этот новый путь, по которому должны были пойти отношения между Парфией и Римом, окончательно наметился за время второго периода войны, когда оба государства охотно перешли от военных действий к переговорам, окончившимся на основе взаимного соглашения утверждением в Армении Аршакида Тиридата и его путешествием за получением царской диадемы в Рим.

В результате этой дальновидной политики правительством Нерона было действительно достигнуто достаточно прочное и длительное соглашение с Парфией, давшее возможность обоим государствам спокойно занять-

¹ W. S c h u r—Die Orientpolitik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig, 1923, S. 18.

² W. S c h u r, о. с., стр. 20.

ся урегулированием своих дел. Дальнейшие шаги римской политики показывают, что центр тяжести восточной политики Рима был перетянут к кавказским странам, и для обеспечения успеха своих мероприятий Нерон постоянно стремился к укреплению дружбы с Вологесом. Причиной такого поворота римской политики служили потребность в расширении сферы влияния на север и восток и укрепление римского влияния в полузависимых странах Передней Азии и Закавказья. Это диктовалось как развитием торговых интересов, так и необходимостью считаться с политическим ростом восточных государств, в первую очередь Иберии. В последние годы своего правления Нерон строит широкий план восточной экспедиции, целью которой являлось восстановление старого царства Митридата Евпатора через создание единой великой провинции Понта. С этой целью в 63 г. Полемоновский Понт был превращен в римскую провинцию, с Трапезунтом, как основной операционной базой (Suet.—Nero, 18; Eutr., VII, 14; Aur. Vict.—Ep., 5), к которой было присоединено и Боспорское царство, вместе с Колхидой и страной энихов, что можно заключить из отрывка Флавия Иосифа (Jos.—B. J., II, 366). Объединение всех этих областей в единый округ с централизованным управлением, размещение римских гарнизонов по северному и восточному побережью Черного моря, усиленная деятельность по проведению дорог военного значения,—все это служило подготовкой к большой кавказской экспедиции, имевшей целью овладение «Кавказскими воротами», т. е. Дарьяльским ущельем (Tac.—Hist., I, 6; Plin.—N. H., VI, 40). Этот горный проход, который иберы держали в своих руках, давал возможность скифским и сарматским племенам, усилившим свой нажим на Боспорское царство, в любой момент, по желанию иберов, проникать в Закавказье на соединение с иберами и албанами и тревожить пределы нового римского союзника—Парфии, а также и угрожать азиатским владениям самого Рима. Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников. Таким образом, целью экспедиции Нерона являлась война с Албанией и установление контроля над Дарьяльским проходом. Все эти приготовления были прерваны смертью Нерона, гражданской войной и волной восстаний населения провинций, прокатившейся по всему пространству империи. Отголоском этого широкого движения в азиатских владениях империи является восстание припонтийских племен в окрестностях Трапезунта, руководимое Аникетом, о котором рассказывает Тацит (Tac.—Hist., III, 47, 48).

Император Веспасиан продолжал поддерживать союз с царем Парфии, который даже предложил ему для похода на Рим свой отряд (Suet.—Vesp., 6) и, опираясь на прочность своего союза с римским императором, рассчитывал на военную помощь Веспасиана против аланов в 76 г. В политике Веспасиана можно наблюдать, в сущности, несколько более осторожное продолжение политики Нерона по укреплению римского влияния в недавно присоединенных областях; несмотря на союз с Парфией, военная безопасность римских союзников постоянно не упускалась из виду, так как только при обеспечении обороноспособности всей цепи полузависимых царств, созданной при последних представителях династии Юлиев, можно было считать действенным римский контроль над Арменией. Помощь, оказанная малоазийским и закавказским союзникам против Парфии, создала предпосылки для успеха парфянского похода Траяна и быстрого выполнения им плана завоевания Армении. Мцхетская надпись, сообщающая

о построении римскими легионерами крепости иберскому царю Митридату, отражает один из моментов этой деятельности Флавиев. Иберы являлись важнейшим союзником Рима к северу от Парфии. Будучи неопытны в строительстве крепостей, они нуждались в надежной защите со стороны Армении и Парфии. Вопреки мнению Шура¹, у нас нет данных утверждать факт наличия римских гарнизонов в Иберии. Постройка крепости, очевидно, была произведена воинской частью, стоявшей в Колхиде, с которой в это время уже поддерживалась прямая связь через Сарapany и долину Фасиса, где проходил торговый путь от Черноморского побережья в глубину Азии. Полузависимое отношение стран Закавказья к Риму сохранялось во все время правления Флавиев.

В связи с быстрым ходом социально-экономического развития закавказских народов и ростом их политического значения ко времени вступления на престол Траяна наступает подходящий момент для пересмотра римских взаимоотношений с Парфией. Может быть, здесь будет уместно предположить, что идея парфянского похода Траяна стояла в некоторой связи с оценкой возросшего удельного веса варварских государств, когда Риму приходилось ориентироваться в своей внешней политике не столько на союз с Парфией, сколько на союз с некоторыми из подвластных ей племен Передней Азии и с народами Закавказья, в число которых входили племена по восточному и юго-восточному берегу Черного моря—иберы и албаны, и, опираясь на этот союз, попытаться осуществить полное господство Рима в Армении, включив ее в состав римской провинции.

Мы видим, что в начале победного марша Траяна связь с этими племенами была еще более упрочена. Евтропий говорит о возобновлении договоров Рима с албанами, иберами, савроматами, боспоранами, колхами и другими племенами (*E u t r o p.*, VIII, 3). Кассий Дион сообщает о награждении Траяном, после взятия Арсамосаты, Анхиала, царя эниохов (*D i o C a s s.*, LXVIII, 18); Арриан говорит, что целый ряд царьков в восточном и юго-восточном Причерноморье получил свое утверждение от Траяна; в числе их были: Юлиан, царь апсилон, Рисмаг, царь абасков, Спадаг, царь санигов (*A r r i a n i.*—*Per. Pont.*, 15). Ярким примером проявления тесного контакта иберов с Римом является выступление Амазаспа с иберским войском против парфян, засвидетельствованное в найденном в Риме его надгробии.

Однако, наряду с ростом и упрочением римского влияния в странах Закавказья, в связи с расширением пределов империи в Азии, растет и сопротивление вмешательству в их жизнь со стороны населявших эти страны народов. В среде местных обществ, стоявших на различных ступенях общественного развития, быстро развивался процесс разложения родового строя, перехода к классовым отношениям и начаткам государственной жизни. Этот процесс ускорялся и усложнялся параллельно с развитием римской экспансии как в борьбе с распространением этой экспансии, так и благодаря развитию торговли и торговых путей, прогрессу в технике материального производства, усовершенствованию военной техники. Прямым следствием всего этого являются попытки дать отпор римскому вмешательству (одним из примеров этих попыток является упомянутое уже восстание племен, живших близ Трапезунта, в 69 г. (*T a c.*—*Hist.*, III, 47—48) и необходимость для римлян усилить строительство укреплений и разместить сильные гарнизоны.

¹ *W. S c h u r*, *o. c.*, стр. 34—35.

Иберия, благодаря географическому положению на скрещении путей из Западного Закавказья в страны Востока и северного пути, ведущего через Кавказские ворота (Дарьял) по долинам Терека и Арагвы в Армению и Парфию, раньше других своих закавказских соседей достигла сравнительно высокого уровня социально-экономического и культурного развития. Этому немало способствовали и рано просочившееся влияние наиболее развитых в экономическом и политическом отношении стран Передней Азии, где преобладала иранская культура¹, а также сложные и тесные взаимоотношения с Римом, отношения войны и мира, ожесточенной борьбы и союза, засвидетельствованные не только в письменных источниках, но также и найденными на почве Иберии (главным образом, в районе Армази, Мцхета, Тбилиси) римскими монетами и предметами, импортированными из римско-эллинистической Малой Азии².

В Иберии раньше, чем в других странах Закавказья, складываются классовые отношения и возникает государственная власть, а в связи с этим развивается сознание существования Иберии, как самостоятельной государственной единицы, которая имеет право претендовать на независимость и готова положить предел притязаниям Рима. Правда, это молодое небольшое государство в первые века своего существования еще достаточно долго испытывало на себе влияние своих сильных соседей, но уже в первой половине II в., при императоре Адриане, Рим был вынужден усиленно добиваться поддержания дружественных отношений и союза с Иберией и ее союзницей Албанией. Адриан «жил в величайшей дружбе с иберами и албанами», ему пришлось «ублажать их щедротами и дарами, когда они презрительно отказались прийти к нему»³. Но никому не вынужден был Адриан приносить такие щедрые дары, как иберу Фарасману, который совершил с семьей путешествие в Рим, встретил там почетный прием и получил, при содействии Адриана, приращение своих владений [D i o C a s s.—Epit., LXIX, 15 (13)].

Промежуток меньше века отделяет Фарасмана II от его одноименного предка, бывшего послушным орудием Рима, но уже из сопоставленных отрывочных сведений можно видеть, какой путь развития прошла за это время Иберия и как это развитие отразилось на характере ее взаимоотношений с Римом.

¹ В качестве раннего примера отражения этого влияния следует упомянуть найденные драгоценные предметы из погребения в ущелье р. Ксанки, близ селения Ахал-Гори, тончайшей ювелирной техникой, опубликованные в монографии Я. И. С м и р н о в а—Ахал-Горийский клад, Тифлис, 1934.

² См. материалы Байерна из раскопок некрополя в Самтавро близ Мцхета, хранящиеся в Музее Грузии в Тбилиси, а также раскопки на месте древнего Армаза, начатые в 1937 г. Институтом языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, под руководством А. Н. Каландадзе. Отдельные предметы римско-эллинистической культуры см. в публикациях С. И. М а к а л а т и а на грузинском языке: S. M a k a l a t h i a—Notice sur les dates des nécropoles découvertes en Géorgie de 1920 à 1924, «Bulletin du Musée de Géorgie», IV, 1928, стр. 173—182; е г о ж е—Le culte de Mithra en Géorgie, «Bulletin du Musée de Géorgie», III, 1927, стр. 179—194 и в моей работе: А. А м и р а н а с х в и л и—Zwei Henkel eines silbernen Gefäßes aus Mzchetha («Jahrb. des Deutsch. Archäol. Instituts» 1934).

³ SHA, Hadr., 21; Albanos et Hiberos amicissimos habuit, quod reges eorum largitionibus prosecutus est, cum ad illum venire contempsisset.

